

ВЛАСТЬ И ПОЛИТИКА

нии, её отправят жить в одну из мусульманских стран.

Я далёк от утверждений, что мьянманские военнослужащие — ангелы. Некоторые конфликты при наличии агрессивно настроенного населения, вооружённого в том числе длинными ножами, были фактически неизбежны. И я абсолютно согласен с тем, что с регулярной армии за подобные случаи избиений и издевательств над людьми (прежде всего над детьми и женщинами!) должен быть особый спрос. Но большая часть гуляющих по интернету «доказательств» — открытые фальшивки, причём к их распространению оказываются причастны не только специально созданные боты в социальных сетях, но и высшие чиновники ряда стран (недавно фальшивые снимки, которые якобы свидетельствовали о «геноциде мусульман в Мьянме», появились в аккаунте турецкого министра — правда, он вскоре их удалил).

Мне, как человеку, живущему в Мьянме, хорошо видно, что гуляющие по интернету видео и фотографии — в основном примитивные фальшивки. Не могу говорить про все из них, но абсолютное большинство из того, что я видел, — это совсем не про Мьянму, но с подписью «Зверства в Бирме». Эти фейковые снимки периодически разоблачают в мьянманских СМИ, но кто их читает?

Я посмотрел несколько видеосюжетов, о которых меня просили высказать своё мнение. Эти сюжеты делятся на два типа. Первый — рассказы беженцев, попавших в Бангладеш, о том, что они видели в Мьянме. На мой взгляд, то, о чём свидетельствуют беженцы, должно быть тщательно проверено, хотя понятно, что многие из них говорят то, что, как они считают, должно предотвратить их экстрадицию обратно в Мьянму (а Бангладеш это делает регулярно). Второй — собственно сюжеты об «издевательствах над мусульманами». Большинство таких видео никакого отношения к Мьянме не имеют — человеку, живущему в Мьянме, абсолютно ясно, что они сняты в других странах. Есть, конечно, и ролики, по которым нельзя понять, где они сняты, то есть это может быть Мьянма, а может какая угодно другая страна.

Единственным полностью достоверным эпизодом можно считать видео, снятое мьянманским военнослужащим и хвастливо выложенное им в «Фейсбук», где он и его коллеги пинками сгоняют деревенских жителей на центральную площадь. Когда этот ролик появился в социальной сети, снятые в нём военнослужащие были оперативно опознаны и понесли наказание, причём высшие военные чины Мьянмы заявили, что наказания для тех, кто практикует подобные методы, будут и впредь. Но с тех пор, насколько я знаю, никаких роликов, доказывающих участие военнослужащих страны в конкретных акциях в штате Ракхайн, так и не было предъявлено (если не считать открытых фальшивок).

Наконец, ещё один маленький нюанс. Мусульманская умма Мьянмы очень миролюбива и толерантна. Это как в случае с русскими и татарами в России — все вопросы между ними выяснены много поколений назад, и теперь представители разных религий живут рядом (хотя, конечно, не без проблем). В Янгоне много действующих мечетей, одна из них — через узкую улицу от священной для буддистов пагоды Суле, по преданию возведённой 2500 лет назад (кстати, это как раз бенгальская суннит-

ская мечеть). Для приезжающих в Янгон туристов можно сделать целую экскурсию по мусульманским местам города, начиная от дарги последнего императора Великих Моголов (который считается суфийским святым) и заканчивая знаменитыми на весь город ресторанчиками халяльной кухни (китайцы-мусульмане — непревзойдённые кулинары).

Мусульмане «вписаны» в жизнь Янгона и свободно себя в нём чувствуют. Никто не мешает муэдзинам звать с минаретов народ к молитве, и многие буддисты делают своим единоверцам замечание, если они прилюдно едят в мусульманском квартале в дневное время в дни Рамадана (я это сам пару раз наблюдал). Для буддистского монаха нет никаких препятствий обратиться к мусульманину, сидящему со швейной машинкой на улице, если у его сумки сломалась застёжка, и бывает так, что мусульманин из уважения к служителю религии сделает свою работу бесплатно. Янгонским мусульманам никто не запрещает носить их традиционную одежду

Мусульманских сообществ в Мьянме — великое множество, и абсолютное их большинство являются лояльными гражданами страны. Абсолютное большинство буддистов тоже нацелены на мирное сосуществование

и совершать религиозные обряды. Кстати, я сам живу в ракхайнско-мусульманском квартале Янгона и каждый день вижу, как буддисты и мусульмане общаются между собой, покупают что-то друг у друга и имеют общий бизнес. Между прочим, мусульмане есть в вооружённых силах Мьянмы — правда, соглашусь с тем, что до сих пор они поднимались не выше полковника.

Мусульманских сообществ в Мьянме — великое множество, и абсолютное их большинство являются лояльными гражданами страны. В свою очередь, абсолютное большинство буддистов нацелены на мирное сосуществование религий и культур. Больше того, власти стремятся противодействовать экстремизму во всех проявлениях, и в законах нет статьи об «оскорблениях буддизма», а есть статья об «оскорблении веры». То есть человек в равной степени будет наказан, если он неуважительно поведёт себя как в пагоде, так и в христианской церкви или в мечети. Примеры и прецеденты есть.

Экстремисты бывают в любом сообществе, как и бытовой национализм. Но нынешний всплеск буддистского экстремизма в Мьянме произошёл именно после событий в штате Ракхайн в 2012 году. То есть некоторые буддисты, глядя на своих друзей-мусульман, начали подозревать в них тех же самых экстремистов, какими являются их единоверцы-рохинджа (точно так же, как после появления ИГИЛ у некоторых людей проснулась исламофобия). Но опять же: это до сих пор довольно маргинальные группы (несмотря на бытующее за рубежом мнение), и правительство достаточно жёстко пресекает их деятельность, когда она выходит за рамки дозволенного.

Ещё один фактор, способствующий росту экстремизма среди буддистов, — это то, что за рубежом говорят практически исключительно о «самом угнетённом народе мира» и вообще не упоминают о примерно таком же числе граждан Мьян-

мы других национальностей и вероисповеданий, пострадавших от рук боевиков-рохинджа. Между прочим, сейчас происходит то же самое — за криками о «страдающих рохинджа» и демонстрациями солидарности с ними никто не замечает сообщения мьянманских СМИ о том, что правительство эвакуировало более 12 тыс. человек из зоны боевых действий. То есть это люди (ракхайнцы, индусы, бирманцы и представители других народов), у которых боевики-рохинджа сожгли деревни, убили близких, а их самих держали в заложниках. У них берут интервью, публикуют фотографии их сожжённых домов. На снимках — такие же несчастные лица, как и те, которые «гуляют» сегодня по интернету с рассказами о притеснениях рохинджа. И всё чаще в мьянманских СМИ появляются сообщения: «К югу от Маундо больше не осталось ракхайнских деревень... индийских деревень...» А читатели в Мьянме делают выводы, что нынешний всплеск насилия был нужен рохинджа для того, чтобы очистить от прежних жителей

для себя новые зоны обитания. Что они после этого думают, читая, например, о митингах в поддержку рохинджа по всему миру?

Что касается штата Ракхайн, то там помимо рохинджа живут, например, мусульманские общины собственно бирманцев (есть и такие), пантеев (китайцев-мусульман), каманов-лучников (бывших наёмников у прежних властителей этих территорий), мьейду (потомков слуг и рабов в буддистских храмах) и, наконец, «старых бенгальцев» (тех, кто жил тут ещё до миграции рохинджа, или тех, у кого хватило смелости натурализоваться и получить гражданство, отказавшись от самоназвания «рохинджа»). Все эти мусульманские общины штата вполне мирно живут с соседями-буддистами (прежде всего ракхайнцами — больше того, именно у ракхайнцев наиболее богатый опыт совместной жизни и мирного взаимодействия с мусульманами). И только с рохинджа в штате постоянно идут конфликты.

Это лишний раз доказывает, что источник конфликта лежит совсем не в религиозной сфере. Больше того, традиционная мусульманская умма Мьянмы с большим подозрением относится к рохинджа, видит в них источник возможных бед (потому что есть такие, кто по ним начинает судить обо всех мусульманах) и даже из-за их экстремизма не считает их полностью «своими».

Есть ли решение этой проблемы? Власти Мьянмы считают, что, если они дрогнут и под давлением извне пойдут на какие-то уступки, это только ухудшит ситуацию (не говоря уже о политическом самоуправийстве тех, кто примет такое решение, что чревато кровавой нестабильностью в стране). Военные Мьянмы и без того считают, что гражданское правительство Аун Сан Су Чжи зашло слишком далеко, фактически вынеся этот вопрос на международный уровень и пригласив для выработки рекомендаций бывшего генсека ООН Кофи Аннана.

По их мнению, именно это воодушевило террористов и привело к нынешним кровавым событиям.

Ситуация осложняется ещё и тем, что на стороне рохинджа просто не с кем вести переговоры. Те активисты, которые говорят от имени рохинджа в Бангладеш или даже в Европе, не воспринимаются властями как люди, которых кто-то будет слушаться и которые способны что-то решить в Мьянме (видимо, так оно и есть). А в самой Мьянме нет какой-то вертикали, стоящей над боевиками, — там «сетевая» структура. Единственная «вертикаль» — это некое подобие координации действий против правительственных войск, которое под вывеской «Араканской армии спасения рохинджа» осуществляется людьми, прошедшими подготовку в Пакистане во главе с уроженцем Пакистана. Понятно, что такие люди по определению не могут быть партнёрами мьянманского правительства на переговорах.

Беда властей Мьянмы — в их неумении противостоять массовой зарубежной пропаганде. И дело даже не совсем в том, что у буддистов нет своей «Аль-Джазиры» и что буддисты весьма неоднородны и размыты (тот же Далай-лама осудил действия буддистов в штате Ракхайн, а российские буддисты не спешат выражать солидарность с действиями своих единоверцев в Мьянме). Дело в элементарной некомпетентности нынешнего пропагандистского аппарата «демократического» правительства Мьянмы и неумении подавать и продвигать информацию. На страницах Министерства информации и Информационного комитета Мьянмы постоянно публикуются сообщения о ситуации в штате Ракхайн, снабжаемые фотографиями. Но подаются они настолько неумело и написаны настолько бездарно, что любая районная газета покажется на их фоне шедевром журналистики. По сути, единственный, кто по мере сил эффективно и убедительно опровергает (на своей странице в «Фейсбуке») тиражируемые в международных СМИ фейковые новости и фотографии, — это министр информации прежнего правительства Мьянмы Йе Тхут. Чуть ли не один на всю Мьянму!

Вот, собственно, и всё, что можно сказать по поводу нынешней ситуации. Я всегда с уважением относился к людям, которые неравнодушны к чужой боли и стремятся защитить своих единоверцев. Но, на мой взгляд, сострадание в данном случае должно проявляться к жертвам обеих сторон конфликта — в равной степени. Истина о том, что в истоках конфликта, как правило, виноваты обе стороны, — она и про события в мьянманском штате Ракхайн. А поддержка исключительно одной стороны обычно ведёт к новому витку конфликта.

И, пожалуй, последнее. Ко мне уже обратились несколько СМИ с просьбой дать комментарий. Я спросил журналистов: а что, в России уже повывелись люди, профессионально занимающиеся Мьянмой? Мне ответили, что они все ушли в глубокое подполье. Я спросил у одного из них, почему он не даёт комментариев — он-то знает, как в штате Ракхайн обстоят дела на самом деле. Ответ был простым: «Я живу в России, и у меня тут семья». То есть человек опасается рассказать правду, которая расходится с картиной, нарисованной в чьих-то мозгах, причём боится он отнюдь не «злых кровавых буддистов», а совсем других людей.

Печатается в сокращении. Полная версия — на сайте newsko.ru